

Во время пробных съемок Бай Сяо выключил телефон. Только что включив его, еще находясь в лифте, он увидел сообщение от друга Оу Е:

[Завтра свободен? Пойдем прыгать с парашютом~]

Оу Е был вторым старым знакомым, с кем он мог поддерживать связь. Они были друзьями детства, но их отношения ограничивались совместными развлечениями — пользоваться его ресурсами было нельзя.

В течение этого года Бай Сяо вёл себя довольно смирно, и лишь в деле с Чэн Юэ он попросил Оу Е помочь собрать немало информации. Оу Е даже возбудился по странной причине: [Наконец-то есть случай, когда тебе нужно обратиться ко мне, малыш!]

Конечно, узнав конкретную причину, по которой тот обратился за помощью, Оу Е обрадовался ещё больше и даже специально позвонил с поздравлениями, отмечая, что тот наконец-то расстался с невинностью.

Да... Эти два дня он полностью погрузился в роль Цзин Ляньшэна и ещё не успел спросить Чэн Юэ, когда тот вернётся из командировки.

Бай Сяо ответил Оу Е, что сможет пойти, одновременно в уме планируя, под каким предлогом в следующий раз встретиться с Чэн Юэ.

Прыжки с парашютом и правда забавны, но сейчас у Чэн Юэ в животе ещё Маленький Росток, так что это определённо невозможно.

Эх... Тоска. Хорошо бы встречаться каждый день, нужно как следует подумать над способом.

Вскоре после возвращения из командировки Чэн Юэ позвал Ло Цзунъюнь сыграть в гольф.

В тот день погода была прекрасной. Ло Цзунъюнь неспешно появился перед Чэн Юэ со своим молодым любовником.

После краткого обмена приветствиями Ло Цзунъюнь указал на стоящего позади любовника и представил его Чэн Юэ:

— Цюй Хао.

В душе Чэн Юэ был несколько удивлён, но внешне не подал виду, лишь пожал ему руку:

— Здравствуйте.

Цюй Хао, кажется, на мгновение опешил, затем поспешно протянул руку:

— Здравствуйте, директор Чэн.

Чэн Юэ кивнул и пошёл за своими клюшками.

Ло Цзунъюнь, ростом почти под метр девяносто, стоял подобно горе, излучая чувство силы. Его предки были из Внутренней Монголии, телосложение у него мощное, характер прямодушный и открытый, друзей множество. Он обожал содержать молодых знаменитостей, раньше менял их раз в месяц-два, поэтому редко выводил их знакомить с друзьями. Этот же — первый, кому он назвал фамилию при Чэн Юэ, что показывало: Цюй Хао для Ло Цзунъюня необычен.

В тот момент они лишь тренировались на поле. Чэн Юэ не решался делать резких движений — хотя у него всегда было крепкое здоровье, он всё же опасался за того Маленького Ростка в своём животе.

Ло Цзунъюнь, наблюдая за его движениями, приподнял бровь:

— Ты чего сегодня такой женственный?

На лбу Чэн Юэ дёрнулась жилка. Будь на месте Ло Цзунъюня кто-то другой, он бы уже давно замахнулся клюшкой. Но раз уж это сказал Ло Цзунъюнь, он не стал придавать значения — в конце концов, этот монгол, считающий, что каждый его жест полон благородства героя, часто находил всех вокруг излишне женственными.

Чэн Юэ просто объяснил:

— В те два дня командировки, похоже, съел что-то не то, желудок болит, тошнит, диарея. Сейчас уже лучше, но ещё чувствую слабость.

Сказав это, он сильно ударил по мячу.

У него всё ещё была небольшая утренняя тошнота, но несильная. Смешав правду с ложью, он звучал вполне убедительно.

— Хе-хе, — рассмеялся Ло Цзунъюнь. — Чувствуешь слабость? Значит, нужно дома хорошенько отдохнуть и восстановиться. Позже пришлю тебе женьшень, панты, бычьи х... ну, чтобы как следует подкрепиться.

Ах... Как же хочется прибить его!

— Не беспокойся, лучше оставь себе.

В этот момент Цюй Хао что-то сказал Ло Цзунъюню, тот кивнул, и Цюй Хао ушёл.

Чэн Юэ глубоко вздохнул, опустил клюшку, сел на стул позади, открыл бутылку Voss и, наблюдая, как Цюй Хао удаляется, спросил:

— Впервые вижу, чтобы ты привёл ко мне молодого любовника. Что, этот не такой, как другие?

— А как думаешь? — Ло Цзунъюнь лишь взмахнул клюшкой, переадресовав вопрос.

— ... Откуда мне знать? Но он не похож на твоих прежних пассий. Он... внешне выглядит вполне дружелюбным, но на самом деле не очень-то умеет вести себя в обществе.

Ло Цзунъюнь обернулся к нему и усмехнулся:

— Мне как раз и нравится, что он не умеет вести себя в обществе. Некоторые, пусть даже в какой-то мере знаменитости, обычно строят из себя невесть что, а перед спонсорами прямо-таки раболепствуют и льстят... Цюй Хао же другой. Перед кем бы то ни было он сохраняет спокойный вид, но именно передо мной... особенно упрям, и... это так заводит.

Чэн Юэ не сдержал вдоха:

— Это у тебя склонность к мазохизму.

Ло Цзунъюнь громко рассмеялся, затем вдруг сказал:

— Говоришь, ты уже взрослый, а личная жизнь всё ещё на нуле? Неужели правда импотент?

— Какой ещё импотент! — дёрнулся уголок рта Чэн Юэ. — Ты прямо как Фан Вэньцин, старая бабка!

— Брат, я же о тебе забочусь! — Ло Цзунъюнь говорил с видом полной правоты. — Разве ты, засыпая каждый вечер в одиночестве, не ощущаешь ту самую, крошечную долю холода, свойственного одиноким псам?

— Со-всем нет!

— Эх... — Ло Цзунъюнь тоже остановился, сел рядом и серьёзно сказал:

— Вообще-то я могу тебя понять. Будь у меня такие родители, как у тебя, я бы тоже разуверился в чувствах. Но у каждого свой путь. Нельзя из-за того, что они несчастливы, не верить, что и сам сможешь найти счастье, верно?

Ло Цзунъюнь был его другом, с которым они вместе росли с начальной школы, и всегда знал о ситуации в его семье, поэтому не стал ходить вокруг да около.

Чэн Юэ невольно рассмеялся:

— Бабушка Ло, ты что, варишь куриный бульон?

Ло Цзунъюнь приподнял бровь:

— Я же с трудом сварил этот бульон, а ты не скажешь мне «как вкусно»?

— Сейчас «как вкусно», кажется, используют не в таком смысле, разве нет?

— Ц-ц-ц, — Ло Цзунъюнь уставился на него широко раскрытыми глазами. — Бьюсь об заклад, рано или поздно ты употребишь это слово!

Чэн Юэ лишь усмехнулся, но, глядя на его уверенное выражение, в глубине души неожиданно возникло смутное чувство неловкости.

Он невольно вспомнил Бай Сяо — человека, которого не должно было быть в его жизни.

Их первая встреча для Чэн Юэ была настоящим кошмаром, но вины Бай Сяо в этом не было. Более того, именно Бай Сяо помешал первоначальному плану Лян Кая, поэтому у Чэн Юэ не было никаких оснований ненавидеть его.

Первоначальное отторжение, как он теперь думал, было всего лишь досадой и злостью от стыда.

Бай Сяо вот так, по странной случайности, появился в его жизни, чудесным образом смягчил его гнев и добавил много новизны в его однообразное существование.

Даже... Иногда он думал: раз тот уже знает его секрет, почему бы не махнуть на всё рукой... Взять его к себе, быть может, тоже вариант.

В конце концов... та ночь, если вспоминать, в общем-то... была не такой уж и неприятной.

В конце концов, он тоже не был таким бесчувственным и равнодушным к отношениям, каким казался со стороны.

Он просто боялся прикоснуться.

Если бы был безопасный способ... Например... содержание...

...

Пока Чэн Юэ пребывал в задумчивости, вернулся Цюй Хао. Ло Цзунъюнь, не обращая внимания на окружающих, протянул руку, обнял его за плечи и поцеловал в щёку.

Цюй Хао мгновенно взорвался, с краснеющими до корней ушами вырвался из объятий Ло Цзунъюня, отступил на несколько шагов и яростно на него взглянул.

Чэн Юэ, подавившись этой порцией собачьего корма, мгновенно очнулся и, осознав, о чём он только что думал, поспешно, словно пытаясь скрыть смущение, встал, установил маленький белый мяч и отправил его ударом вдаль.

... О чём это я думаю!

Чэн Юэ испытывал к себе отвращение, но в то же время таил досаду:

Всё это Бай Сяо с его разговорами о содержании, содержании... Он что, ядовитый?!

*

Около половины четвёртого дня Ло Цзунъюнь получил звонок. Положив трубку, он сказал Чэн Юэ:

— Директор Чжан из Фэньюань тоже сейчас рядом. Он там прыгает с парашютом, сначала позвонил, чтобы договориться о времени, но не ожидал, что мы так близко, и спросил, не хотим ли присоединиться. Ты пойдёшь?

Ло Цзунъюнь указал на юг от поля для гольфа — там как раз находилась площадка для прыжков с парашютом. Обе территории принадлежали одному аутдор-клубу, зона прыжков и поле для гольфа располагались недалеко друг от друга.

Чэн Юэ взглянул на время — в гольф они играли уже довольно долго — и сказал:

— Пойдём вместе, как раз мне нужно кое о чём у него проконсультироваться... Но прыгать не буду, сегодня не в форме.

Ло Цзунъюнь кивнул, обнял Цюй Хао за плечи, и его почти двухметровая фигура наклонилась к тому. Хрупкое телосложение Цюй Хао пошатнулось, едва сохраняя равновесие.

Ло Цзунъюнь, смеясь, спросил его:

— Ты же ещё не прыгал с парашютом? Пошли! Братан научит тебя прыгать!

На лице Цюй Хао читалось неловкость. Чэн Юэ, глядя на Ло Цзунъюня, который практически тащил его за собой, лишь беспомощно покачал головой.

<http://bllate.org/book/15597/1390802>